

Сложные прилагательные подчинительного типа в удмуртском и венгерском языках

0. В удмуртском языке среди словообразовательных суффиксов прилагательного выделяются *-o* (*-ё*) и *-ем*. Эти два аффикса очень схожи по своим признакам и функциям, но различаются по продуктивности. Как отмечает научная грамматика удмуртского языка, «суффикс *-o* (*-ё*) является продуктивным суффиксом», при помощи которого образуются отсубстантивные прилагательные, обозначающие «обладание чем-либо, каким-либо свойством» [ГСУЯ 1962: 142]: *Асьмеос со шудо нуналгёсьыз оло адзёмы, оло ум, нош асьмелэн вуоно выжыосмы эрико улоньн будозы* (Г. 190). ‘Мы с вами увидим или нет те счастливые дни, но наши будущие поколения будут жить свободной жизнью’. *Куаро писпуос ньылак голькесь иш, толйыны дасяскиллям тэльёс* (Шп. 117). ‘Лиственные деревья уже совершенно голые, леса готовы к зимовке’.

Из приведенных предложений отчетливо видно: выделенные производные прилагательные выражают признак (свойство, качество) предмета, характеризующийся тем, что названо производящей основой: *шудо* ‘счастливый’ от *шуд* ‘счастье’; *эрико* ‘свободный, наделенный свободой’ от *эрик* ‘свобода’; *куаро* ‘лиственный’ от существительного *куар* ‘лист’.

Аффикс *-ем* также образует прилагательные от имен существительных. При этом подобные производные прилагательные обозначают «признаки предметов, заключающиеся в их тяжести (весе), емкости, протяженности (в длине) и во времени (возрастные признаки)» [ГСУЯ 1962: 144]: *Тыр мешокгёсты вес дорозь нуллыны кынарыз оз окмы ни, пыдгёсаз пудъем гираос думлызы, кожалод* (ТИК/Кенеш/Г/8: 195–196). ‘У него уже не хватило сил перетаскать полные мешки до весов, к его ногам словно привязали пудовые гири’. *Даургем топольёс гинэ весь вайёссэс вырето, куаргёсьнызы шыпырто* (ТИК/Инвожо/Е/9: 37–38). ‘Вековые дубы только шевелят ветвями, шелестят листвой’. В отношении продуктивности следует отметить: такие прилагательные “имеют сравнительно небольшое распространение” [ГСУЯ 1962: 144].

1. Про вышеназванный суффикс из научной грамматики можно почерпнуть еще следующую информацию: “Прилагательные на *-ем* часто употребляются в сочетании с предшествующими количественными именами числительными и таким путем образуют составные формы (разрядка наша – *Д. Е.*)” [ГСУЯ 1962: 144]. В следующей формулировке «составные формы» уже названы по-иному: “в словосочетаниях (разрядка наша – *Д. Е.*) типа *сьод тусгем* первый компонент обозначает определенную окраску и имеет непроедную форму, второй компонент имеет значение русского выражения по облику и оформлен суффиксом *-ем*”, но, тем не менее, данное определение и

пример к нему *szöd tusszem adjami* ‘брюнет’ приведены в разделе “Сложные прилагательные”. Здесь же в этом разделе встречается пример *nyillevirtno dэpa* ‘холст в четыре ниточки’, который вместе с вышеприведенным сложным прилагательным на *-em* отнесен к «другим малопродуктивным формам соединения слов» (см.: [ГСУЯ 1962: 145–146]). Таким образом, составители научной грамматики столкнулись с проблемой трактовки прилагательных на *-o* (*-ё*) и *-em*, и, в виду их сложности и неразработанности в удмуртоведении, не пришли к однозначному решению вопроса, хотя предпосылки отнесения анализируемых форм к композитам все же явно ощутимы.

2. В венгерском языке выделяется два словообразовательных аффикса *-s* (*-os, -as, -es, -ös*) и *-ú, -ű* (*-jú, -jű*), которые типологически сходны с исследуемыми деривационными суффиксами *-o* (*-ё*) и *-em* в удмуртском. К. Е. Майтинская, исследуя венгерский язык, зафиксировала продуктивный суффикс образования прилагательных от имен существительных *-s* (*-os, -as, -es, -ös*); такие производные адъективы обозначают “имеющий что-либо, обладающий чем-либо”, а также могут выступать с различными оттенками:

а) «снабженный чем-либо», «покрытый, окаймленный, наполненный (или наполняемый), окруженный чем-либо»: *csillagos ég* ‘звездное небо’ от *csillag* ‘звезда’;

б) «содержащий какое-либо вещество, какой-либо материал»: *cukros kávé* ‘кофе с сахаром’ от *cukor* ‘сахар’;

в) «обладающий каким-то качеством, каким-то свойством»: *dallamos* ‘мелодичный’ *dallam* ‘мелодия’ [Майтинская 1959: 62–66].

Морфема *-ú, -ű* (*-jú, -jű*) К. Е. Майтинской не зафиксирована в современном венгерском языке в качестве словообразовательного форманта, но, тем не менее, выявлена в старо- и средневенгерском языке. Этот деривационный аффикс засвидетельствован «лишь в очень немногих старо- и средневенгерских словах»: *asszú, aszú* ‘сухой’ (*asz-ni* ‘сохнуть’) [Майтинская 1965: 29].

3. Анализируемые суффиксы венгерского языка активно участвуют в образовании сложных прилагательных; при этом способ образования нового слова весьма оригинален – суффиксальное образование прилагательных, комбинированное со словосложением (сложносуффиксальное образование). Таким образом, с помощью этих суффиксов “образуются прилагательные от существительных, имеющих при себе – как непереносное условие – определения”: *kékszemű* ‘синеглазый, голубоглазый’ от *kék* ‘синий, голубой’ + *szem* ‘глаз(а)»; *kétéves gyermek* ‘двухлетний ребенок’ от *két* ‘два’ + *év* ‘год’ [Майтинская 1959: 80–82]. Основное значение композит, образованных с участием аффиксов *-s* (*-os, -as, -es, -ös*) и *-ú, -ű* (*-jú, -jű*) – «имеющий что-либо», «обладающий чем-либо».

4. Аналогичное явление – образование сложных прилагательных путем сочетания деривации и словосложения – отмечено лингвистами во многих (как в родственных венгерскому и удмуртскому уральских, так и неродственных) языках. Но ученые, исследующие эти языковые факты, по-разному трактуют их сущность.

4.1. В татарском языке словообразовательный суффикс *-лы/-ле* активно участвует в формировании сложных прилагательных, образованных “путем лексикализации словосочетаний с их суффиксацией”: *каракузле* ‘черноглазый’, *сарычәчле* ‘русоловый’. По мнению Ф. А. Ганиева, данный способ “не имеет ничего общего со словосложением”; моделью подобных сложных слов является комбинация: “свободное атрибутивное словосочетание + суффикс *-лы*”, а не “прилагательное + производное прилагательное” [Ганиев 1982: 73, 125]. Таким образом, вышеприведенные композиты татарского языка рассматриваются исследователями как сложные прилагательные, но, тем не менее, образованные не словосложением, а совершенно иным способом – лексикализацией словосочетания при одновременной его суффиксации. Композиты этого типа выражают значение “характеризующийся тем, что обозначено словосочетанием”.

4.2. Авторы «Русской грамматики» отмечают, что деривационный аффикс *-н-* участвует также и в формировании сложных прилагательных: композиты данного типа по способу образования являются суффиксально-сложными прилагательными и имеют значение “относящийся к тому или характеризующийся тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения”: *двухпутный, многоцветный* [РГ 1980: 322–323].

4.3. А. Хаканен в финском языке выявляет большое количество сложных прилагательных на *-inen*; к примеру, он пишет: “Tällaisia yhdysadjektiivieja kieli pystyy tuottamaan loputtoman määrän”¹. Подобные композиты, как отмечает автор, образованы на основе словосочетаний посредством маркирования их аффиксом *-inen*: *kirkassilmäinen* ‘ясноокий’, *pitkäaikainen* ‘долгосрочный’ [Hakanen 1973: 131].

4.4. По мнению исследователей, селькупскому языку присущи сложные имена прилагательные, словообразовательная модель которых представлена следующим образом: числительное (прилагательное, наречие) + отсубстантивное/отглагольное прилагательное, оформленное аффиксом *-l (-l’), -l-j (-i)*: *nagur oлол* ‘трехглавый’ (*nagur* ‘три’, *олол* – прилаг. от *ол* ‘голова’), *panna saijii* ‘косоглазый’ (*panna, panai* ‘косой’, *saijii* – прилаг. от *sai* ‘глаз’)² [Беккер и др. 1995: 60–61].

4.5. Как отмечает В. Д. Рягоев, в тихвинском говоре карельского языка деривационный аффикс *-n’e* является неотъемлемой частью словосложения прилагательных, что можно отразить следующим образом: имя числительное в основной форме + прилагательное на *-n’e*: *kūživuodin’e* ‘шестилетний’ [Рягоев 1977: 184, 193–194]. Таким образом, в карельском языке, как и в селькупском, композиты, аналогичные рассматриваемым нами в венгерском языке, признаются исследователями сложными прилагательными, образованными простым словосложением (без акцентирования наличия деривационного аффикса).

1 Такие сложные прилагательные язык способен образовать бесконечное количество.

2 При этом прилагательные-композиты селькупского языка пишутся раздельно. Данное обстоятельство авторами “Морфологии селькупского языка” объясняется следующим образом: “Раздельное написание сложных образований имен прилагательных селькупского языка, как и во всех самодийских языках, обусловлено спецификой аналитического способа образования данных форм” [Беккер и др. 1995: 60].

5. В удмуртском языке прилагательные на *-o* (*-ё*) и *-ем* в основном фиксируются как свободные словосочетания: *Лад-лад вераськыны кутскиз ёсужыт но чед мугоръем, съод мыйыко рабочий Буков* (Шп. 71). ‘Основательно, не спеша начал разговор высокий и худощавый, черноусый рабочий Буков’. *Садике вуэмез бере ик, ньыль аресъем Ксюша Катялэн пельпумысьтыз чебер сумкаез синьылтiз* (ТИК/Зечбур/А/3-20-2: 4–5). ‘Четырехлетняя Ксюша сразу же, как пришла в садик, заметила красивую сумку на плече Кати’.

В результате детального анализа с учетом типологического материала из различных языков становится явным: вышеприведенные и подобные им «словосочетания» по своей сущности являются сложными прилагательными, поскольку им присущи дифференциальные признаки композит (подробнее см.: [Ефремов 2004]).

Суффиксы *-o* (*-ё*); *-ем* в удмуртском и *-s* (*-os*, *-as*, *-es*, *-ös*); *-í*, *-ű* (*-jú*, *-jű*) в венгерском при деривации выражают общее значение «обладание чем-либо», точнее говоря – «обладание тем, что названо производящей основой» (см. вышеприведенные примеры). Сложные же прилагательные, образованные при помощи этих морфем, в основном также обозначают обладание тем, что выражает исходное словосочетание: вен. *kétlábú*, удм. *кык ныдо* ‘двуногий, букв.: обладающий двумя ногами’; вен. *százoldalas könyv*, удм. *сю бамъем книга* ‘книга в сто страниц’; вен. *kistemetű*, удм. *пичи мугоро* ‘небольшого роста, букв.: тот, кто обладает маленьким ростом’.

Этот способ образования композит возможно назвать по-разному: либо суффиксально-сложным, либо лексикализацией словосочетания с его одновременной суффиксацией – поскольку оба эти названия вполне отражают сущность анализируемых образований. Но главный вопрос, по нашему мнению, заключается в следующем: принадлежит ли этот способ к словосложению (т.е. является ли его частью) или же – это совершенно самостоятельный способ образования сложных прилагательных, отличный как от основосложения, так и от деривации.

Сущность словосложения четко и наиболее полно отражена М. Д. Степановой (в отношении немецкого языка): “два корня или две словообразующие основы, состоящие из корня и аффикса, или два грамматически оформленных слова, или несколько корней, основ, слов соединяются в одну лексическую единицу, обладающую признаками слова” (цитата по: [Беккер и др. 1995: 59]). Исходя из данного определения, необходимо отметить – в удмуртском языке композиты типа *съод мыйыко* ‘черноусый’ образованы суффиксально-сложным способом (его второе название – лексикализация словосочетания с его суффиксацией), который, в свою очередь, относится к словосложению.

6. Орфография сложных прилагательных представляет собой определенную проблему. Как известно, сложные прилагательные сочинительного типа, в основном, следует писать через дефис. Композиты подчинительного типа рекомендуется писать слитно, поскольку подчинительная связь является наиболее тесным видом связи. Анализируемые сложные прилагательные в удмуртском языке исследователями квалифицировались лишь как словосочетания, вследствие чего подобные композиты всегда фигурировали только в раздельном написании. При этом слитное написание сложных прилагательных типа *кыкпыдо* ‘двуногий’, *ньыларесъем* ‘четырёхлетний’ более точно отражало бы существующую подчинительную связь между их компонентами.

Сокращения

Вен. – венгерский язык

Г. – М. Коновалов. Гаян: Романъёс но веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1990. 385 б.

ТИК – Турку-Ижевск корпус (<http://www.hum.utu.fi/oppiaineet/volga/ru/materialy/>)

Удм. – удмуртский язык

Шп. – М. А. Лямин. Шудбур понна. Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. 464 б.

Использованная литература

БЕККЕР и др.: – Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильшенко И. А. Морфология селькупского языка / Томск. гос. пед. ин-т (Под ред. Э. Г. Беккер). Томск, 1995. Ч. II: Южные диалекты. 284 с.

ГАНИЕВ, Ф. А.: Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982. 151 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ исг., экон., яз. и лит.; Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

ЕФРЕМОВ, Д. А.: К вопросу о сложных прилагательных удмуртского языка и их правописании // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Международного симпозиума. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. С. 73–85.

МАЙТИНСКАЯ, К. Е.: Венгерский язык / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Ч. II: Грамматическое словообразование. 227 с.

МАЙТИНСКАЯ, К. Е.: Словообразование имен в старо- и средне-венгерском языке. Ин-т языкозн. М., 1965. 228 с.

РГ – Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

РЯГОВ, В. Д.: Тихвинский говор карельского языка / АН СССР, Карельск. филиал, ин-т яз., лит. и ист. Л.: Наука, 1977. 288 с.

НАКАНЕН, А.: Adjektiivien vastakohtasuhteet suomen kielessä (= Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 311). Forssa, 1973. 279 s.